

К 50-летию ПОБЕДЫ: СОБЫТИЯ, ВОСПОМИНАНИЯ, МНЕНИЯ

© 1995 г., ЭО, № 4

А. М. Решетов

ОТДАНИЕ ДОЛГА. ЧАСТЬ II. ПАМЯТИ СОТРУДНИКОВ ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ АН СССР, ПОГИБШИХ В БОЯХ ЗА РОДИНУ *

С началом войны шли в армию мужчины призывного возраста. Уходили на фронт и добровольцы. Среди тех и других были сотрудники Института этнографии.

Николай Борисович Шнакенбург родился 4 февраля 1907 г. в г. Переславле Залесском Ярославской губернии в русской дворянской семье⁴². Его отец военный, мать домохозяйка. В 1924 г. он окончил среднюю школу, затем два года жил и работал в Туле. Здесь Николай учился сапожному мастерству и работал в качестве подмастерья, а также служил препаратором в ветеринарной лаборатории. В августе 1926 г. он поступил на этнографическое отделение географического факультета ЛГУ, где занимался под руководством выдающегося сибиреведа проф. В. Г. Богораза. В мае 1929 г. Н. Б. Шнакенбург был командирован на Камчатку. С августа 1929 г. по июль 1930 г. он работает учителем школы 1-й ступени в с. Тили Олюторского р-на Камчатской обл., с августа 1930 г. по июнь 1931 г. учительствует на мысе Шмидта на Чукотке.

С июня 1931 по август 1933 г. Николай Борисович в качестве научного работника, краеведа культуры Комитета содействия народам Севера, находился в районе залива Лаврентия, что на Чукотке. В 1931—1933 гг. он участвовал в работе бригады по советизации кочевников тундры, руководил учебной частью курсов по подготовке молодых чукчей к учебе в партшколе, часто выступал в качестве переводчика, способствовал введению письменности среди чукчей. По возвращении в Ленинград, а добирался Шнакенбург долго — с августа 1933 г. по январь 1934 г., он вновь становится студентом. Комитет содействия, поддерживая восстановление его в правах студента, весьма похвально отзываясь о его работе в экспедиции. К тому времени этнография была представлена Ленинградским историко-философско-лингвистическим институтом. Шнакенбург заканчивает этот институт в июле 1936 г. и с октября того же года по март 1937 г. работает младшим научным сотрудником Музея Арктики, принимает участие в организации Отдела хозяйства народов Севера. С апреля по декабрь 1937 г. он сотрудник-переводчик Корякской экспедиции Арктического института, которая работала у кэрэков в Олюторском р-не Камчатской обл. В ноябре 1937 г. газета «Тихоокеанская звезда» публикует его научную статью «Китобойный промысел на Чукотке». После возвращения в Ленинград Николай Борисович с 1 апреля 1938 г. зачислен научно-техническим сотрудником в Институт антропологии, археологии и этнографии АН СССР. С 1 ноября 1938 г. он в порядке совместительства преподает историю СССР в старших классах средней художественной школы при Академии художеств.

* Начало статьи см. «Этнографическое обозрение», № 3.

1 октября 1939 г. Шнакенбурга освобождают от занимаемой должности младшего научного сотрудника Кабинета Сибири Института этнографии в связи с поступлением в аспирантуру АН СССР, где под руководством Г. Н. Прокофьева ему к 1 октября 1942 г. предстояло подготовить квалификационную работу по теме «История и этнография народов Камчатки». В своем заявлении в аспирантуру от 14 августа 1939 г. он писал: «Полагал бы работать в области истории народов Севера как полноправной истории народов СССР... В этой разработке истории чукоч, эскимосов и коряков важнейшее место должно быть отведено и этнографии этих народов. Вот почему я и прошу комиссию принять меня в аспирантуру Института этнографии Академии Наук СССР»⁴³. С июля 1940 г. Шнакенбург много времени проводит в Архиве народного хозяйства, где изучает дела, связанные с историей Камчатки, взаимоотношениями народов Чукотского полуострова. В аспирантуре он работает с большим увлечением, о чем свидетельствуют отзывы его научных кураторов. Так, 14 июля 1940 г. А. И. Андреев написал: «Николай Борисович Шнакенбург в течение 1939—1940 учебного года прослушал весьма внимательно мой курс „Источниковедение Сибири XVII—XX вв.“, заслуживает оценки „отлично“»⁴⁴. 27 июня 1940 г. аспирант успешно сдал кандидатский минимум по диалектическому и историческому материализму. А 1 июля того же года Г. Н. Прокофьев дал такой отзыв: «Считаю Н. Б. Шнакенбурга усидчиво, серьезно относящимся к своей учебе аспирантом»⁴⁵. До сентября 1940 г. молодой исследователь, помимо всего прочего, исполнял обязанности секретаря тома «Народы Сибири». Им была написана статья «Эскимосы» объемом около 5 а. л. На заседании Кабинета Сибири было принято решение расширить статью с тем, чтобы впоследствии выпустить ее отдельным изданием. Совместно с С. Н. Стебницким Шнакенбург готовил для сибирского тома статью «Коряки». Для однотомника «Народы СССР» им были написаны две небольшие статьи «Чукчи» и «Коряки». Институт истории в тот период подготавливал к выпуску первый том «Истории Сибири». Шнакенбург предоставил собранные им материалы для написания главы «Север Сибири в I тысячелетии». Он внимательно просмотрел подготовленный В. Г. Богоразом к печати «Луораветланско-русский словарь» и передал для включения в него около 70 записанных им слов. Исследователем был подготовлен и ряд рукописей, например «К истории первобытного обмена у чукоч» (4—5 а. л.), «Запреты-табу пищи у приморских чукоч» и др. Количество опубликованных Шнакенбургом работ невелико⁴⁶. Очевидно, исследователь хранил свой научный архив дома, и после ухода его в армию он был утрачен. В архиве МАЭ нет фонда Н. Б. Шнакенбурга. После получения известия о гибели Николая Борисовича среди сотрудников Института распространился слух о том, что в ходе боев под Ленинградом он якобы был захвачен немцами в плен. Фашисты, приняв его за немца, предложили сотрудничество, но он решительно отказался, после чего был расстрелян⁴⁷. В мемуарах Л. И. Лаврова о боях на Ораниенбаумском плацдарме есть сообщение о гибели Н. Б. Шнакенбурга близ д. Настолово без указания каких-либо подробностей⁴⁸. Напомню только, что Л. И. Лавров хорошо знал Николая Борисовича по совместной работе в Институте этнографии.

Гибель Шнакенбурга произошла, вероятно, в конце сентября — начале октября 1941 г. То, что долго не было известий о его судьбе, подтверждается письмом с фронта Г. Д. Вербова своему коллеге М. А. Сергееву от 29 апреля 1942 г.: «Из Вашей открытки я извлек печальное известие о судьбе Н. Б. Шнакенбурга. Что с ним? Убит? До сего времени я знал лишь, что от него нет вестей»⁴⁹. Официально в Институт тогда не поступало никаких сообщений. Поэтом приказом по Институту за № 67 от 24 июня 1942 г. Н. Б. Шнакенбург был отчислен из штата сотрудников только с 1 апреля 1942 г. «как находящийся в рядах Красной Армии». Было достоверно известно, что он участвовал в сражениях на Ораниенбаумском пятачке в качестве рядового в составе 6-й роты 2-го батальона Василеостровской добровольческой дивизии⁵⁰.

По сведениям, полученным 11 января 1995 г. в Василеостровском райвоенкомате Санкт-Петербурга, рядовой Шнакенбург Н. Б. пропал без вести на фронте в

октябре 1941 г. Вполне вероятно, что устная версия о его гибели не лишена оснований.

5 июля 1941 г. ушел добровольцем в Красную Армию и младший научный сотрудник Института *Давид Натанович Лев*⁵¹. Он родился 2 мая 1905 г. в Могилеве в еврейской мещанской семье, а в 1925 г. начал трудовую жизнь: работал в стройконторе, в 1925—1927 гг. был санитаром во 2-й психиатрической больнице, в 1927—1930 гг. — санитаром Невропсихиатрической экспериментальной больницы им. В. И. Ленина. Одновременно в 1926—1929 гг. Лев обучался в Институте истории искусств. Он надеялся получить специальность искусствоведа, однако в 1929 г. ушел с третьего курса и поступил на археологическую кафедру отделения истории материальной культуры Ленинградского историко-лингвистического института. В сентябре 1931 г. Лев получает диплом археолога дофеодальной формации. Его научным руководителем был П. П. Ефименко. С 1 января 1932 г. он по договору работает научным сотрудником 2-го разряда МАЭ. С образованием Института антропологии и этнографии АН СССР 15 февраля 1935 г. Лев — штатный сотрудник 2-го разряда, а ровно через год — 1-го разряда. Начиная с 1931 г. он выезжает в археологические экспедиции в различные районы страны, работает под руководством А. А. Миллера и В. А. Городцова. Особо его интересует история горного дела. В 1935 г. В. А. Городцов и С. Н. Быковский предлагают присвоить Д. Н. Льву степень кандидата наук по археологии и истории доклассового общества без защиты. С 28 января 1938 г. он исполняет обязанности заведующего, а с 23 апреля 1939 г. назначается заведующим отделом археологии МАЭ. В 1940—1941 г. Д. Н. Лев сдал кандидатские минимумы по археологии, диалектическому и историческому материализму и немецкому языку.

Вскоре после начала войны он записывается добровольцем в Красную Армию, но по состоянию здоровья ему отказывают в службе в армии. В январе 1942 г. Д. Н. Лев получил положительные отзывы профессоров В. В. Мавродина и В. И. Равдоникаса на свою диссертацию «Производство железа в Прибайкалье в VII—X вв. н. э.», представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Однако защитить диссертацию в блокадном Ленинграде он не успел. 11 июля 1942 г. Лев был эвакуирован из Ленинграда. В Самарканде он устроился на работу в университет, где защитил в 1945 г. кандидатскую диссертацию, посвященную вопросам древнего горного дела, и стал доцентом. Его работы послевоенного периода посвящены археологии Средней Азии. В 1958—1968 гг. Лев вел регулярные раскопки Самаркандской стоянки⁵². Он умер в Самарканде 10 октября 1969 г.

Федор Борисович Шапиро родился в 1892 г. в г. Вильно в еврейской мещанской семье⁵³. Как он сам писал, у него «домашнее образование, низшее». Служил рядовым в царской армии, а в 1917—1924 гг. — в Красной Армии в разных частях, в частности был музыкантом. С 1924 г. он на хозяйственной работе (с 10 октября 1932 г. по 19 марта 1934 г. — завхоз МАЭ, затем Института антропологии и этнографии). По его словам, «ввиду несработанности с помощником директора по административно-хозяйственной части уволился». Проработав 5 лет в других учреждениях, в том числе в ИИМК, Шапиро в сентябре 1939 г. вернулся в Институт этнографии, на этот раз на должность помощника директора по административно-хозяйственной части. С образованием Литовской ССР ему, естественно, захотелось повидать своих литовских родственников. Директор Института этнографии акад. В. В. Струве обратился к академику-секретарю Отделения истории и философии АН СССР А. М. Деборину с просьбой дать «разрешение на командирование в гг. Каунас и Вильнюс Литовской ССР помощника директора по административно-хозяйственной части Ф. Б. Шапиро с целью ознакомления с состоянием этнографических музеев этих городов, а также для установления связи с научными сотрудниками, готовящими статьи для сборника „Народы СССР“». Нельзя не заметить, что едва ли кандидатура Шапиро Ф. Б. подходила для выполнения этой ответственной и деликатной научной миссии.

Имя Ф. Б. Шапиро значится в приказе за № 110 от 4 июля 1941 г. по Институту

этнографии: «В связи с уходом пом. дир. по адм.-хоз. части Ф. Б. Шапиро добровольцем в Красную Армию с 5 июля с. г. выдать ему 2-недельный аванс в счет зарплаты за июль 1941 г.» Очевидно, это решение о вступлении добровольцем в действующую армию было принято Ф. Б. Шапиро в порыве патриотизма и объясняется стремлением приблизить час скорой победы. Свое решение Шапиро не согласовал с руководством института. Иначе нельзя понять, почему уже 5 июля 1941 г. директор института проф. И. Н. Винников обратился в мобилизационную комиссию Василеостровского района «с просьбой об освобождении от службы в Добровольческой Армии помощника директора по административно-хозяйственной части Института этнографии АН СССР т. Шапиро Федора Борисовича». 12 июля 1941 г. аналогичная просьба была выражена в письмах директора командиру 2-го пулеметного батальона 2-го полка Василеостровской дивизии и заместителю командира того же батальона по политчасти. 14 июля 1941 г. И. Н. Винников получил отказ «в освобождении добровольца Шапиро Ф. Б. из рядов Добровольческой дивизии». Тогда он обратился к военному комиссару Ленинграда, однако и от него пришел решительный отказ. После эвакуации И. Н. Винникова в вышестоящие инстанции продолжает обращаться и. о. директора института С. М. Абрамзон. 19 ноября 1941 г. он направил письмо с просьбой об освобождении от службы Шапиро в Отдел укомплектования штаба Ленинградского фронта.

В конце концов целеустремленные действия руководства института увенчались успехом, и 11 декабря 1941 г. Ф. Б. Шапиро приступил к исполнению своих гражданских обязанностей. Правда, позднее Шапиро писал в анкете так: «В декабре был демобилизован по болезни». Вскоре С. М. Абрамзон издал приказ об эвакуации Ф. Б. Шапиро из Ленинграда с 8 февраля 1942 г. с сохранением содержания по 15 марта 1942 г. В дальнейшем формулировка приказа была уточнена: «Ф. Б. Шапиро командирован в распоряжение Президиума АН СССР в г. Казань по делам, связанным с эвакуацией сотрудников Института из Ленинграда, осуществляемой в порядке постановления Правительства СССР». Срок командировки — по 1 апреля 1942 г. Из Казани Шапиро направился в Ташкент, где находилась группа сотрудников института, он по-прежнему выполнял обязанности помощника директора и по совместительству получил должность начальника Ташкентского административно-хозяйственного управления (начальника управления уполномоченного Президиума АН СССР по Узбекистану). За добросовестное выполнение своих обязанностей Ф. Б. Шапиро был награжден медалью «За трудовую доблесть».

С 1 мая 1945 г. приказом заместителя директора Института Н. Н. Степанова он был переведен на должность заведующего производственными мастерскими. 17 мая 1945 г. Шапиро вернулся из эвакуации в Ленинград, а с начала 2 августа того же года перешел на работу в ленинградский Дом ученых в качестве заместителя директора. Был награжден медалями «За оборону Ленинграда», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне». 10 февраля 1950 г. Шапиро перевели на должность директора академической гостиницы, но на этой должности он проработал недолго. Очевидно, сказались пережитые трудности и болезни. 12 июля 1951 г. Ф. Б. Шапиро скончался в Ленинграде.

В связи с уходом добровольцем в Красную Армию заведующего отделом Сибири *Георгия Николаевича Прокофьева* ему был выдан двухнедельный аванс в счет зарплаты за июль 1941 г., но пробыл в армии он недолго: по состоянию здоровья его вернули в институт. Г. Н. Прокофьев скончался в блокадном Ленинграде 29 января 1942 г.⁵⁴

Александр Николаевич Нечаяев родился 7 (20) апреля 1902 г. в д. Екимово Пудожского уезда Архангельской губернии в семье зажиточного крестьянина⁵⁵. Летом семья занималась преимущественно хлебопашеством, а зимой, вплоть до 1915 г., разносной грибной торговлей в Петербурге. В 1920 г. Александр закончил школу и работал. Затем он учился на Высших курсах искусствоведения при Государственном институте истории искусств, а в 1927 г. перевелся в

Ленинградский историко-лингвистический институт, который не закончил, уйдя в 1932 г. с последнего курса.

С сентября 1930 по июнь 1934 г. Нечаев — преподаватель-ассистент Ленинградской высшей школы профдвижения. В 1932 г. фольклорная секция АН СССР утвердила его членом экспедиции по изучению фольклора Карельского Беломорья. С июня 1934 по май 1938 г. он занимает должность старшего сотрудника и руководителя этнографо-лингвистической секции Карельского научно-исследовательского института культуры в Петрозаводске.

В мае 1938 г. Нечаев становится членом Союза советских писателей в Ленинграде и работает лектором по литературе и фольклору в Ленинградском городском лектории. В 1938 г. Александру Николаевичу присуждается премия 1-й категории за «Сказки Карельского Беломорья» на конкурсе научных работ, организованном АН СССР и ЦК ВЛКСМ. Его записи сказителей М. М. Коргуева и Ф. Л. Свинына вызвали также похвалы ведущих ученых-фольклористов. Проф. М. К. Азадовский, например, писал: «Открытие А. Н. Нечаевым М. М. Коргуева и Ф. Л. Свинына начинает новую эру в истории изучения русской сказки в Карелии и принадлежит к крупнейшим явлениям русского сказковедения в целом». 26 февраля 1940 г. эта работа была защищена в ученом совете Ленинградского педагогического института им. Герцена на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Оппоненты Н. П. Андреев и В. А. Десницкий положительно оценили диссертацию молодого ученого. В сентябре 1940 г. А. Н. Нечаев подал заявление с просьбой предоставить ему работу в Институте этнографии АН СССР, которое поддержал заведующий Кабинетом Европы института, чл.-кор. АН СССР Д. К. Зеленин: «Кабинет Европы очень просит зачислить в число сотрудников Кабинета тов. Нечаева, который является специалистом по фольклору и этнографии Карельского периода». С 1 января 1941 г. его назначают секретарем Кабинета.

5 июля 1941 г. А. Н. Нечаев ушел добровольцем на фронт, тем не менее он продолжал числиться на работе до 1 апреля 1942 г., когда его все-таки отчислили как находящегося в рядах Красной Армии. В 1941—1942 гг. Нечаев состоял военным корреспондентом в Кировской дивизии народного ополчения. После демобилизации он обосновался в Москве. В то время там задумывалось составление свода русских сказок. Инициаторами выступили такие известные писатели, как П. П. Бажов, М. М. Пришвин, А. П. Платонов, а для общего руководства пригласили М. А. Шолохова. Среди практических исполнителей и был А. Н. Нечаев. В 50-е годы он занялся пересказами для детей младшего и среднего школьного возраста сказок и былин, которые широко публиковались в различных издательствах страны⁵⁶. Умер А. Н. Нечаев в Москве 24 декабря 1986 г.

Создается впечатление, что институтские приказы порой лишь фиксировали происшедшие события. Прочитав приказ за № 121 от 5 июля 1941 г. по Институту этнографии: «§ 1. В связи с уходом младшего научного сотрудника Н. Н. Волкова добровольцем в Красную Армию с 5 июля с. г. выдать ему 2-недельный аванс в счет зарплаты за июль 1941 г. § 2. Отчислить из аспирантуры М. К. Кудрявцева с 1 июля 1941 г. в связи с мобилизацией в Красную Армию. § 3. И. о. Ученого секретаря Н. И. Насекин вернулся досрочно из отпуска и приступил к работе с 5 июля с. г. § 4. В связи с уходом младшего научного сотрудника Л. И. Лаврова добровольцем в Красную Армию с 5 июля с. г. выдать ему 2-недельный аванс в счет зарплаты за июль 1941 г.»⁵⁷.

Николай Николаевич Волков родился в июле 1904 г. в д. Симанково Сретенской волости Галичского уезда Костромской губернии в бедной крестьянской семье⁵⁸. Вспоминая свое детство, он писал в автобиографии: «Отец горчайший пьяница, он утопился пьяный в 1913 г. Детей осталось 5 человек, старшему — 10 лет. В детстве я живал пастухом, ходил на отхожие промыслы в качестве ученика стекольщиков и печников, некоторое время ездил за хлебом в Сибирь, собирая куски хлеба»⁵⁹. И даже в таких неблагоприятных условиях мальчик много читал, беря книги у священника и дьякона. В 1920 г. Николай уехал в

Кострому и там окончил партшколу. В феврале 1921 г. он вступил в РКП(б), а в 1921—1922 гг. учился в Коммунистическом университете им. Я. М. Свердлова, после чего 4 года занимался пропагандистско-клубной работой в Костроме, Киеве, Севастополе. В 1926—1930 гг. Волков служил на Балтийском флоте и одновременно с 1927 г. сдавал экстерном экзамены на этнографическом отделении географического факультета ЛГУ, которое закончил в 1931 г.

В 1930—1931 гг. он обучался в аспирантуре. Тогда же под руководством Н. М. Маторина им готовились работы по скопцам. В 1931—1935 гг. Волков работал в органах НКВД, но по болезни был освобожден от службы там и вновь занялся с 1935 г. научной деятельностью в Институте антропологии и этнографии. Предметом его изучения стали западнофинские народности. Во второй половине 30-х годов он проводил планомерные полевые этнографические исследования у вепсов, ижоры, эврейцев, савакотов, карелов, саамов, в 1939 г. — у крымских татар. По всем этим народам он писал статьи для справочных изданий по этнографии народов СССР, готовившихся в те годы в институте. В 1940 г. Н. Н. Волков консультировал работников ГМЭ по реэкспозиции карело-финского отдела музея. В те же годы он усиленно трудился над подготовкой диссертации «Саамы в СССР».

Волков пережил большое потрясение: в апреле 1937 г. его исключили из ВКП(б) «за притупление бдительности и непринятие мер к врагам народа». Его попытки добиться восстановления в партии не увенчались успехом, что было для того времени плохим предзнаменованием. В апреле того же 1937 г. он был уволен из института и до февраля следующего года работал стекольщиком. Ему стоило огромных усилий восстановиться в институте.

Война нарушила многие планы Н. Н. Волкова. С 15 июня 1941 г. он находился в командировке (за свой счет, но с сохранением зарплаты) у вепсов Винницкого р-на Ленинградской обл. С началом войны исследователь вынужден был вернуться в город. 15 июля 1941 г. Николай Николаевич ушел на фронт добровольцем, воевал, но вскоре попал в плен, где находился с 10 сентября 1941 г. по 31 мая 1945 г. В 1946 г. об этих событиях в автобиографии он напишет следующее: «Под Гатчиной я был ранен в ногу, и, будучи уже в окружении, взят в плен немцами. В плену около 2 месяцев находился сначала в Пскове, затем в Риге в госпиталях. Затем перевели в Митавский госпиталь, и еще с костылями выписан в Митавский лагерь. В Митавском лагере я проработал в качестве стекольщика и резчика по дереву до июля 1944 г. В 1944 г. бежал, но снова был пойман, жестоко избит и отправлен на штрафные работы в Эстонию (Парнау). Вскоре всех нас эвакуировали в Германию, где я и был освобожден вместе с другими возле города Грайсфальд. По освобождении был вновь зачислен в ряды Красной Армии и демобилизовался на основе решения сессии Верховного Совета»⁶⁰.

30 сентября 1945 г. Волков был зачислен в отдел Европы Института этнографии на должность младшего научного сотрудника. В апреле следующего года он сдал кандидатский экзамен по этнографии комиссии в составе Н. Н. Степанова, Д. К. Зеленина и Д. А. Ольдерогге, а 7 января 1947 г. на заседании ученого совета Института этнографии в Москве успешно защитил кандидатскую диссертацию «Саамы в СССР». Официальные оппоненты доктора исторических наук, профессора Л. П. Потапов и А. И. Андреев, приславшие отзывы члены-корреспонденты АН СССР В. И. Равдоникас и Д. В. Бубрих высоко оценили исследование Н. Н. Волкова. Ученый возобновил экспедиционную деятельность, ездил к изучаемым им народам в Карело-Финскую ССР и Ленинградскую область, готовил новые работы⁶¹.

7 ноября 1947 г. в семье Н. Н. Волкова шла подготовка к празднику, которому не суждено было состояться. В этот день он был арестован по обвинению в антисоветской деятельности, которую якобы проводил в лагере, а также среди знакомых в Ленинграде в 1946—1947 гг. С 7 января 1948 г. Волкова уволили из института по ст. 47, пункт «Д» КЗОТ. Особым совещанием при МГБ СССР он летом 1948 г. был заключен в исправительно-трудовой лагерь сроком на 10 лет.

Н. Н. Волков отбывал срок в Вятлаге, на ст. Фосфоритная Пермской железной дороги. Умер он 7 марта 1953 г. в пос. Лесное Кировской обл. Реабилитирован в соответствии с заключением прокурора Ленинграда 31 августа 1989 г.

Неопубликованные работы Н. Н. Волкова хранятся в архиве МАЭ, образуя самостоятельный фонд № 13.

Михаил Константинович Кудрявцев родился 12 января 1911 г. (30 декабря 1910 г.) в Оренбурге в семье служащего⁶². После окончания в 1928 г. девятилетней школы он год работал маляром, счетоводом, после чего поступил в Ленинграде в топографический техникум. Закончив его в 1932 г., Кудрявцев получил распределение в трест «Дальстрой». Последующие 2 года как топограф он проработал в Якутии. В 1934 г. им принимается решение вернуться в город на Неве и стать студентом исторического факультета. Очевидно, такой поступок определялся двумя факторами: всегдашней любовью к истории и открытием исторических факультетов в 1934 г. В своем отзыве о студенте М. К. Кудрявцеве заведующий кафедрой новой истории исторического факультета ЛГУ М. С. Иванов отмечал: «Отличительным качеством Кудрявцева является его чрезвычайная добросовестность и трудолюбие, а также интерес к научной работе по истории Индии». В 1936—1938 гг. молодой историк параллельно со специализацией по истории изучал язык урду. В июне 1939 г. по окончании университета он был рекомендован в аспирантуру Института этнографии. С 1 сентября того же года Кудрявцев — аспирант ведущего этнографического центра страны, его научным руководителем утвержден один из крупнейших востоковедов, энциклопедист проф. Н. В. Кюнер. Под руководством научного сотрудника Института востоковедения АН СССР В. Е. Краснодембского он стал помимо урду изучать индийские языки хинди и маратхи.

За время учебы в аспирантуре Кудрявцев сдал экзамены по диалектическому и историческому материализму, французскому и английскому языкам, общей этнографии. Последний аспирантский экзамен он сдал представительной комиссии в составе директора института проф. И. Н. Винникова (председатель), чл.-кор. АН СССР проф. Д. К. Зеленина, старшего научного сотрудника Д. А. Ольдерогге, и о. ученого секретаря А. М. Кукулевича. Это происходило 27 июня 1941 г., на пятый день войны. Вывод комиссии был единодушным: «Кудрявцев обнаружил хорошее знание литературы, как общей, так и специальной. Общая оценка — отлично». Но этот успешно сданный экзамен по специальности, как оказалось, не открывал манящих перспектив скорейшей защиты диссертации. Война невольно подвела итог аспирантской подготовке М. К. Кудрявцева.

После мобилизации 1 июля 1941 г. он попал на Ленинградский фронт, где сначала был топографом, а с февраля 1942 г. — старшим топографом, командиром взвода, заместителем командира батареи, начальником штаба дивизиона на Волховском фронте. В декабре 1942 — августе 1944 г. он начальник топографической службы сперва на Волховском, а затем на 2-м Украинском фронте. В августе 1944 — сентябре 1945 г. Кудрявцев занимает должность начальника топографической службы корпуса последовательно на 2-м и на 1-м Украинском фронтах. С боями от знаменитых Синявинских болот под Ленинградом он прошел дорогами войны по территории нашей страны, побывал и за рубежом — в Румынии, Польше, Германии, Чехословакии. Михаил Константинович удостоен ордена Красной Звезды, медалей «За оборону Ленинграда» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

Как признавали позднее его друзья-однополчане, благодаря высоким профессиональным знаниям М. К. Кудрявцева воинские подразделения, которыми он командовал, успешно решали боевые задачи, выходя из труднейших, казалось бы, безвыходных ситуаций. Командование также высоко ценило Кудрявцева. вследствие чего ему сразу после окончания войны не удалось демобилизоваться: с сентября по декабрь 1945 г. по приказу командования он работал старшим преподавателем топографии на курсах усовершенствования офицеров во Львове.

Приказом по Ленинградской части Института этнографии АН СССР вер-

нувшийся из армии М. К. Кудрявцев был восстановлен в аспирантуре. Его научным руководителем теперь стал один из ведущих этнографов страны Д. А. Ольдерогге. После окончания аспирантуры в 1948 г. Кудрявцев занимает должность младшего научного сотрудника.

В первые послевоенные годы основные усилия сотрудников МАЭ были направлены на восстановление постоянно действующих музейных экспозиций. Перед М. К. Кудрявцевым была поставлена задача воссоздания экспозиции «Народы Южной Азии». И он с честью справился с ней. Экспозиция была открыта в 1949 г. О значительности проделанной Кудрявцевым работы свидетельствует тот факт, что за исключением небольших изменений она и поныне является одной из самых лучших в музее. Михаил Константинович стал одним из признанных музееведов в институте.

8 апреля 1952 г. на заседании ученого совета Института этнографии в Москве им была успешно защищена кандидатская диссертация «Происхождение мусульманского населения Северной Индии». Громадный труд вложил он как автор и один из фактических организаторов в создание фундаментального обобщающего исследования «Народы Южной Азии», вышедшего в 1963 г. в Москве в серии «Народы мира. Этнографические очерки». 22 февраля 1966 г. решением ученого совета Ленинградской части института он переводится на должность старшего научного сотрудника по специальности «Этнография Индии».

М. К. Кудрявцева как крупнейшего этнографа-индолога хорошо знали в Ленинграде: на восточном факультете ЛГУ он периодически читал спецкурсы по истории и этнографии Индии, состоял членом Специализированного совета по защите докторских диссертаций. Во Всесоюзном географическом обществе он активно работал в составе Восточной комиссии и печатался в ее издании «Страны и народы Востока». Вместе с Х. Я. Люстерник Кудрявцев длительное время руководил работой городского индологического семинара. Активный характер носили его связи с Институтом востоковедения АН СССР. Трижды — в 1957, 1964 и 1966 г. — побывал он в научных командировках в Индии, где завязал и в дальнейшем поддерживал плодотворные связи с индийскими учеными и научными центрами.

1 февраля 1972 г. в Москве в Институте этнографии АН СССР состоялась защита Кудрявцевым докторской диссертации на тему «Община и каста в Хиндустане». Он является автором двух солидных монографий и большого количества статей по различным проблемам этнографической индологии, хотя, несомненно, ведущей темой в его научном творчестве оставалось исследование проблем кастовой организации индийского общества, соотношения касты и общины, касты и этноса⁶³. Многие работы Кудрявцева на эти темы вызвали оживленный обмен мнениями между специалистами. Его взгляды по дискутировавшимся проблемам наиболее полно отражены в работе «Индийская кастовая община как социальная система», вышедшей в 1973 г.

М. К., как ласково за глаза называли его коллеги и друзья, умел дружить. До конца своих дней он поддерживал дружеские связи с топографами, с которыми судьба свела его в Якутии, с сокурсниками по университету и аспирантуре. Тесная дружба связывала Кудрявцева с африканистами Д. А. Ольдерогге и С. Р. Смирновым, кавказоведом Л. Б. Панек, синологами Г. А. Гловацким и Г. Г. Стратановичем и многими другими учеными и людьми, далекими от науки. Он увлекался охотой, и поэтому среди его друзей были охотники. Вместе с тем наибольшее внимание он уделял друзьям-однополчанам. Память о войне, о боевых товарищах прошла через всю его послевоенную жизнь. Трудно забыть рассказы М. К. Кудрявцева о сражениях на Синявинских болотах, о поездках туда в послевоенные годы и организации захоронения останков погибших воинов. Священны были для него встречи с сослуживцами в Ровно, куда он ездил почти каждый год, пока позволяло здоровье. В январе 1991 г. друзья и коллеги тепло отметили 80-летие Кудрявцева. Однополчане прислали ему магнитофонную пленку с сердечными

приветствиями. 4 марта 1992 г. М. К. Кудрявцева не стало. Прах его был захоронен на Шуваловском кладбище в Санкт-Петербурге.

Леонид Иванович Лавров родился 4 мая 1909 г. в ст-це Медведковской Кавказского отдела Кубанской обл.⁶⁴ Его предки вели происхождение от запорожских казаков, поселенных в 1792—1793 гг. после разгрома Запорожской сечи на Правобережье Кубани. Отец Лаврова был священником, мать домохозяйкой. Вскоре после рождения сына семья Лавровых переехала в ст-цу Пашковскую. Там Леня пошел в школу, но окончил ее в 1926 г. уже в Краснодаре. Мальчик рано увлекся краеведением, о чем свидетельствует его выступление в 1923 г. перед одноклассниками с докладом о прошлом родной станицы. Как позднее вспоминал Л. И. Лавров, в основу его сообщения были положены письменные материалы, извлеченные из местной рукописной «Летописи», хранившейся в Пашковской церкви, а также устные рассказы старожилов. После окончания школы Леонид поступает в Кубанский педагогический институт.

В 1928 г. он принимает решение переехать в Ленинград и поступить на этнографическое отделение географического факультета ЛГУ, которое в 1930 г. в связи с реорганизацией университета и выделением из него ряда отраслевых институтов оказалось включенным в состав Ленинградского историко-лингвистического института. Как этнограф Лавров собирает материал по быту народов Северного Кавказа, в том числе родной станицы, увлекается изучением народных верований. В 1930 г. он проходит практику в этнографическом отделе Русского музея, совершает поездку в Черноморскую Шапсугию. По материалам этой поездки он в 1936 г. публикует свою первую научную работу. Публикация задержалась по весьма драматическим, чуть не ставшим трагическими обстоятельствам. В 1930 г. Л. И. Лаврова обвинили в сокрытии непролетарского происхождения, не обратив внимания на то, что сын станичного священника начиная с 1926 г. работал в качестве чернорабочего на Металлическом заводе, в Геологическом комитете, Главхлопкотресте и даже в джаз-капелле.

Ему пришлось покинуть институт. С 3 ноября 1930 г. по 30 октября 1931 г. он работал в Ленинграде преподавателем. 31 октября ушел в армию, где был курсантом 19-го Манычского кавалерийского полка 4-й Кавказской дивизии, а с 1933 г. был назначен на должность преподавателя военной географии в 1-й школе пограничной охраны в Петергофе, позднее — в Слуцке. Находясь на действительной воинской службе по 5 апреля 1936 г., Лавров в 1934 г. экстерном сдает экзамены и таким образом заканчивает Ленинградский историко-филологический институт (ЛИФЛИ). 12 мая 1935 г. он успешно защищает дипломную работу «Старые верования черкесов и религиозный синкретизм». Ему присваивается квалификация научного работника 2-го разряда по истории классового общества и преподавателя вуза, техникумов, рабфаков и старших классов средней школы. В 1936 г. по ходатайству Института этнографии Лавров был демобилизован и 5 апреля зачислен на работу в этот институт на должность научного сотрудника 1-го разряда.

В творческой судьбе Л. И. Лаврова большую роль в тот период сыграл выдающийся кавказовед А. Н. Генко, который с февраля 1936 г. стал работать в Институте этнографии АН СССР, где он организовал и возглавил Кабинет Кавказа. Его ближайшими коллегами стали Л. Б. Панек и Л. И. Лавров. Трагическая гибель репрессированного Н. М. Маторина, руководителя тематики по изучению народных верований и религиозного синкретизма, заставила Л. И. Лаврова отойти от этой тематики. Под влиянием А. Н. Генко он занялся изучением языков и этнографии народов Северного Кавказа. Именно в 1936 г. Лавров публикует свою первую научную работу, начинает читать спецкурс по этнографии в ЛИФЛИ.

13 апреля 1938 г. был арестован его наставник А. Н. Генко. Представляется, что под влиянием этого и других обстоятельств Л. И. Лавров в оставшиеся до начала войны годы сконцентрировался на изучении истории и этнографии абазин. Это подтверждается и его публикациями, печатавшимися в 1940—1941 гг. в газете «Красная Черкесия». В центральных научных журналах он не решается опублико-

ваться. В эти годы им были подготовлены к печати «История абазинского народа», «Карачаевцы в период XIV—XVIII вв.», «История Балкарии до 1917 г.», из которых только незначительная часть первого труда увидела свет. Руководство Института привлекает его как специалиста к работе над статьями по народам Северного Кавказа для готовившегося в те годы справочника «Народы СССР».

С освобождением А. Н. Генко в январе 1940 г. активизировалась работа Лаврова над диссертацией. 3 апреля 1940 г. он сдал кандидатский экзамен по истории Северного Кавказа комиссии в составе акад. В. С. Струве (председатель), профессоров А. Н. Генко и Е. Г. Кагарова и ученого секретаря Н. И. Насекина. Решение комиссии было единодушным: «Л. И. Лавров показал весьма детально знание источников (как письменных, так и вещественных) и литературы предмета, что дает ему возможность самостоятельного решения вопросов истории Северного Кавказа, а также хорошее знание не только прошлого, но и настоящего народов Кавказа. Комиссия оценивает его знания как отличные»⁶⁵.

После вступления в ряды народного ополчения добровольца Л. И. Лаврова назначают командиром взвода 277-го артиллерийско-пулеметного батальона 2-го стрелкового полка 80-й стрелковой дивизии. В октябре 1941 г. он получил свое первое ранение. В конце 1941 — начале 1942 г. Л. И. Лавров заместитель командира минометной роты 219-го стрелкового полка 11-й стрелковой дивизии. 24 января 1942 г. он был ранен вторично. Все это время Лавров воевал на различных участках Ленинградского фронта, в том числе на знаменитом ожесточенными боями Ораниенбаумском плацдарме, о чем позднее ярко написал в своих военных мемуарах⁶⁶. Командование направляет Лаврова на преподавательскую работу: в 1942—1943 гг. он преподаватель военной топографии Великоустюгского пехотного училища, в 1943—1945 гг. — старший преподаватель военной истории того же училища, в 1945—1946 гг. — старший преподаватель Петрозаводского пехотного училища. Как участник войны Л. И. Лавров был награжден орденом Красной Звезды (4 мая 1945 г.) и медалями «За оборону Ленинграда» (23 апреля 1943 г.) и «За победу на Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» (6 ноября 1945 г.).

Можно предполагать, что, занимаясь в 1942—1946 гг. преподавательской деятельностью в военных училищах, Л. И. Лавров находил время и для подготовки своей кандидатской диссертации. Известно, что 21 ноября 1945 г. он сдал кандидатский минимум по диалектическому и историческому материализму в Карело-Финском государственном университете в Петрозаводске, а 3 июля 1946 г., приехав в Ленинград, сдал кандидатский минимум по немецкому языку на кафедре западноевропейских языков АН СССР. 2 августа 1946 г. Лавров в звании капитана увольняется в запас. Приказом за № 182 от 30 августа 1946 г. его зачисляют на должность младшего научного сотрудника⁶⁷.

29 ноября 1946 г. под председательством старшего научного сотрудника Е. Э. Бломквист состоялось заседание группы Европы и Кавказа ленинградской части Института этнографии. Обсуждалась работа Л. И. Лаврова «История абазинского народа». В принятом группой постановлении отмечалось: «Считать обсуждаемую работу Л. И. Лаврова весьма ценной и интересной, вносящей яркий вклад в кавказоведение и вполне достойной для представления ее от группы Европы и Кавказа как диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук»⁶⁸. 13 декабря 1946 г. защита успешно прошла в Ленинграде в Институте востоковедения АН СССР. Оппонентами выступали проф. И. П. Петрушевский и Л. Б. Панек, высоко оценившие исследование Л. И. Лаврова. Нельзя не упомянуть, что в заседании ученого совета принимали участие академики В. В. Струве, А. П. Баранников, С. А. Козин, И. Ю. Крачковский, члены-корреспонденты АН СССР С. Е. Малов, А. А. Фрейман, П. В. Эрнштедт, Н. В. Пигулевская, чл.-кор. АН УзбССР А. К. Боровков, т. е. цвет отечественного востоковедения.

В послевоенные годы Л. И. Лавров много работает, часто выезжает в этнографические экспедиции, регулярно принимает участие в научных конференциях

и симпозиумах и т. д. С 1951 г. он старший научный сотрудник. В центре его внимания этническая история и культура народов Северного Кавказа и Дагестана, а также абхазов. Лавров занимается вопросами кавказского земледелия, специфики рабовладения на Кавказе. Он выступает пионером рассмотрения вольных обществ, предпринимает успешные попытки реконструкции местного фольклора, синкретических верований как целостной системы, приступает к изучению истории советского периода отечественного кавказоведения и т. д. Активное участие принимал Л. И. Лавров и в издании таких коллективных обобщающих работ, как «Народы Дагестана» (1955 г.), первого и второго томов «Народы Кавказа» (1960 г.). Важное место в научном наследии ученого занимают его исследования по эпиграфике. В 1967 г. он успешно защитил в Институте этнографии докторскую диссертацию «Эпиграфические памятники Северного Кавказа X—XIX вв. как историко-этнографический источник»⁶⁹.

Л. И. Лавров — один из ведущих организаторов отечественного кавказоведения. С июля 1957 по август 1961 г. он заведовал, живя в Ленинграде, сектором Кавказа Института этнографии в Москве, в дальнейшем руководил группой Кавказа, Средней Азии и Казахстана ленинградской части института. В 60-е годы по его инициативе был создан и плодотворно работал при Кабинете Кавказа ленинградского отделения Института востоковедения городской семинар кавказоведов. С 1976 г. он стал проводить в ленинградской части Института этнографии Среднеазиатские (теперь Лавровские) чтения, объединившие научные силы кавказоведов страны. Его ученики ныне плодотворно работают в научных учреждениях Петербурга, Москвы, на Северном Кавказе и в Закавказье.

В последние годы жизни Л. И. Лавров немало сил отдавал военно-патриотической работе. Он был членом президиума Совета ветеранов Ораниенбаумского плацдарма и членом бюро Совета ветеранов Ленинградской армии народного ополчения. Не изгладятся из памяти его военные воспоминания — рассказы о боевых друзьях, о фронтовом братстве. Тот, кто слышал пение Л. И. Лаврова, не забудет исполнение им украинских и русских народных песен, а также песен фронтовых лет... У него было много самых разнообразных планов, но скоропостижная смерть 7 апреля 1982 г. не дала возможности им осуществиться. При жизни в дни юбилейных торжеств по случаю Дня Победы Л. И. Лавров неизменно получал поздравления от руководства Ломоносовского района и Совета ветеранов Ораниенбаумского плацдарма. 12 июля 1971 г. Ленинградский областной совет депутатов трудящихся наградил его почетной грамотой за военно-патриотическую работу. Но в захоронении капитана Лаврова на кладбище защитников Ломоносовского (Ораниенбаумского) плацдарма родственникам покойного было отказано. После кремации урна с прахом Л. И. Лаврова была захоронена на его родине в станице Пашковской. Эту миссию выполнила его супруга этнограф Наталия Николаевна Гревенс (1914—1993).

Приказом за № 122 от 7 июля 1941 г. по Институту в связи с мобилизацией в ряды РККА с 7 июля был уволен электромонтер *Юлий Николаевич Смиркович*⁷⁰. Он родился 28 апреля 1904 г. в Лодзи в русской семье, родители работали на ткацких фабриках. В Ленинграде он с 1924 г. Работал электромонтером с 1932 г. — в Торгсине, а после его ликвидации в 1934 г. — в ГАИМКе. С 19 апреля 1939 г. Смиркович — научно-технический сотрудник гальванопластической лаборатории отдела фольклора Института русской литературы. 8 сентября 1939 г. его призвали для переподготовки в РККА. После демобилизации из армии он работал электромонтером в Институте этнографии с 1 июня 1940 г. до 7 июля 1941 г., т. е. до призыва в действующую армию. Сведениями о дальнейшей судьбе Ю. Н. Смирковича я не располагаю.

Приказом по Институту этнографии за № 125 от 10 июля 1941 г. был отчислен из штата сотрудников аспирант *Сергей Руфович Смирнов*, ушедший на фронт добровольцем⁷¹. Он родился 15(28) октября 1909 г. в д. Бутурлиновка Бобровского уезда Воронежской губернии в семье земского врача. Мальчик рано лишился родителей и с 1918 г. воспитывался у тетки, тоже врача, в Торжке. Здесь он

закончил семилетку и поступил в педагогический техникум, но после окончания второго курса в 1928 г. уехал в Казахстан работать в сельской школе. Потом Смирнов по году учительствовал в сибирском крае и на Дальнем Востоке и в течение 3 лет — на Крайнем Севере. В 1924 г. он вступил в комсомол, однако через 6 лет выбыл из его рядов. Однажды Смирнов не снялся с учета при перемене места работы и по прошествии некоторого времени не смог восстановиться. В 1934 г. он поступил в открытый в Ленинградском историко-филологическо-лингвистическом институте (ЛИФЛИ) африканский сектор. С 1936 г. Смирнов занимается африканскими языками, читает лекции от областного совета Союза воинствующих безбожников.

В 1937 г. литературный и лингвистический факультеты ЛИФЛИ были преобразованы в филологический факультет, который включили в состав ЛГУ. Именно этот факультет и закончил в 1939 г. С. Р. Смирнов. Молодой дипломированный африканист с 1 сентября 1939 г. был зачислен в аспирантуру Института этнографии, его научным руководителем был утвержден Д. А. Ольдерогге, тогда кандидат исторических наук, старший научный сотрудник. В первый год пребывания в аспирантуре Смирнов усиленно занимался языками, штудировал литературу по теме; ему предстояло подготовить диссертацию по этнографии южных банту. Для подготовляемого в те годы Институтом издания «Очерки по первобытнообщинному строю» Смирнову было поручено написать статью по этнографии одного из племен Конго. Он готовился к сдаче кандидатского экзамена по этнографии Африки.

Война прервала его научные занятия в аспирантуре; в июле он ушел в РККА добровольцем и участвовал в боях под Ленинградом. Приказом за № 218 от 24 ноября 1941 г. Смирнов был восстановлен в аспирантуре в связи с демобилизацией его из рядов Красной Армии. 22 ноября 1941 г. он приступил к исполнению своих обязанностей. В некрологах по случаю кончины С. Р. Смирнова в 1969 г. напишут, что он был отозван из армии для продолжения занятий в аспирантуре. Едва ли кто-нибудь из командования, принимая решение о демобилизации молодого ученого, задумывался над судьбами отечественной африканистики. Скорее всего это решение было связано с болезнью С. Р. Смирнова. В блокадном Ленинграде ему помогло выжить то, что он с 18 октября 1941 г. по 9 февраля 1942 г. работал вольнонаемным санитаром в одном из эвакуогоспиталей Народного комиссариата обороны, где имелась возможность подкормиться чуть лучше, чем просто в положении аспиранта АН СССР.

9 февраля 1942 г. он был эвакуирован и откомандирован в Казань в распоряжение Управления кадров Президиума АН СССР для дальнейшей подготовки и использования по избранной им специальности. Потом был Ташкент, откуда Смирнов вернулся уже не в Ленинград, а в Москву. В январе 1946 г. он получил работу в Институте этнографии, где в декабре того же года защитил кандидатскую диссертацию «Восстание махдистов в Судане». Здесь же в 1968 г. состоялась его защита в качестве докторской диссертации монографии «История Судана (1821—1956 гг.)». В этом капитальном труде убедительно была раскрыта роль освободительного движения в укреплении национального самосознания. С. Р. Смирнов принимал деятельное участие в подготовке тома «Народы Африки» — первого из 18-томной фундаментальной серии «Народы мира». Его работы издавались также на немецком и английском языках. В 1959 г. он перешел в только что созданный Институт Африки, где возглавил сектор истории. Через 10 лет, 25 мая 1969 г., С. Р. Смирнова не стало. Остались его ученики, научные идеи, публикации⁷².

Из приказа № 129 от 15 июля 1941 г. по институту: «§ 2. В связи с уходом младшего научного сотрудника Кукулевича А. М. добровольцем в Красную Армию с 12 июля с. г. выдать ему 2-недельный аванс в счет зарплаты за июль 1941 г.»⁷³. Из приказа № 130 от 19 июля 1941 г. по институту: «§ 1. Уволить младшего научного сотрудника Кукулевича А. М. с 12 июля 1941 г. в связи с зачислением его в командный состав Добровольческой дивизии, согласно его просьбы»⁷⁴.

Анатолий Михайлович Кукулевич родился 28 февраля (13 марта) 1913 г. в

Санкт-Петербурге в семье служащего⁷⁵. В октябре 1930 г. он поступил после окончания средней школы в Ленинградский институт прикладной зоологии и фитопатологии. 1 мая 1935 г. Кукулевич, став дипломированным энтомологом, начал свою трудовую деятельность по специальности и закончил ее 1 сентября 1935 г. в должности карантинного инспектора областного здравуправления. Дело в том, что еще 1 сентября 1934 г. он поступил в экстернат Ленинградского историко-филолософско-лингвистического института, а в 1935 г., оставив работу, был зачислен в действительные студенты. Уже с третьего курса Кукулевич вел исследовательскую работу в области изучения литературы и фольклора, в частности готовил статью на тему «Современная волшебная сказка и эпос». Сам автор отзывался о своей деятельности так: «Работа ведется мною в плане стадийального изучения русского фольклора»⁷⁶. Он активно участвует в научной жизни, выступая с докладами по различной тематике.

В 1938 г. на студенческой научной сессии, посвященной акад. А. Н. Веселовскому, он прочитал доклад «Композиция „Илиады“ и „Одиссеи“ в свете композиции волшебных сказок (о так называемом „законе хронологической несовместимости“», а на заседании кафедры классической филологии — доклад «К вопросу о толковании некоторых терминов в „Поэтике Аристотеля“». 1 июля 1939 г. Кукулевич с отличием закончил филологический факультет ЛГУ по специальности литературовед-русист. По окончании университета А. М. Кукулевич был выдвинут кафедрой фольклора филологического факультета ЛГУ и профессорами И. И. Толстым, Г. М. Гуковским, М. К. Азадовским и В. Я. Проппом в аспирантуру. Он сдал на отлично все вступительные экзамены и был зачислен для продолжения учебы в аспирантуру ЛГУ с 1 сентября 1939 г. Однако вскоре его неожиданно призвали для прохождения воинской службы в РККА. С 27 февраля по 3 октября 1940 г. он рядовой 101-го Краснознаменного гаубичного артполка, откуда был уволен и снят с военного учета по состоянию здоровья.

9 октября 1940 г. в Ленинграде Кукулевич подает заявление директору Института русской литературы с просьбой зачислить его в аспирантуру. В связи с этим заведующий отделом фольклора этого института проф. М. К. Азадовский дал положительный отзыв о научной работе А. М. Кукулевича. Он, в частности, писал: «В его лице сочетаются и прекрасно подготовленный фольклорист, и историк литературы»⁷⁷. Для дополнительного заработка — у него была семья — он устроился лектором во Дворце пионеров. 11 марта 1941 г. его зачисляют в штат Института этнографии на должность младшего научного сотрудника с возложением на него обязанностей ответственного секретаря редакционно-издательской части института. Привлекали Кукулевича и к выполнению других поручений, в частности, одно время он исполнял обязанности ученого секретаря института. Вне института Кукулевич вел интенсивную преподавательскую деятельность. С 1 февраля 1941 г. он преподаватель русского фольклора на заочном секторе ЛГУ: читает 80-часовой курс и должен 1 раз в месяц (в первую пятницу) присутствовать на заседании кафедры фольклора ЛГУ. С 18 по 25 мая 1941 г. Кукулевич выезжал в Вологду для чтения лекций по фольклору в Вологодском педагогическом институте.

Несмотря на занятость научно-организационной и лекционно-преподавательской работой, он продолжает публиковаться в различных изданиях по разнообразной фольклорной и литературоведческой тематике⁷⁸. Неопубликованных работ его в архиве МАЭ нет, хотя сам он отмечал, что у него имеется пять печатных и рукописных работ. Можно предположить, что последние в самый канун войны были направлены им в редакции различных журналов. Судьба их неизвестна.

Хотя А. М. Кукулевич и был снят с военного учета, он добровольцем пошел в Красную Армию и сражался под Ленинградом⁷⁹. 27 января 1942 г. интендант 3-го ранга Кукулевич погиб в бою. Он похоронен в братской могиле на юго-западной окраине г. Колпино Ленинградской обл.⁸⁰

Согласно приказу по институту за № 142 от 8 августа 1941 г. с 9 августа уволен заведующий хозяйством Н. Е. Панов в связи с уходом в РККА по мобилизации.

Николай Ефимович Панов родился 6 декабря 1895 г. в д. Санники Торбельской волости Смоленской губернии в крестьянской семье⁸¹. Закончив пять классов сельской школы, он вынужден был уйти из семьи: в 1910 г. Николай уже трудился чернорабочим в Москве. В 1915—1917 гг. Панов служил в старой армии. В 1917—1920 и 1923—1926 гг. он работал на Юго-Западной железной дороге (перерыв был вызван призывом на службу в Красную Армию). В 1926—1937 гг. Н. Е. Панов — на хозяйственной работе в г. Виннице, в том числе в органах НКВД. В 1938 г. он переехал в Ленинград и работал в различных учреждениях города. С 26 мая 1941 г. его принимают в штат Института этнографии на должность заведующего хозяйством. С 9 августа 1941 г. Н. Е. Панов в связи с уходом в ряды РККА по мобилизации был уволен. Сведениями о дальнейшей судьбе я не располагаю.

23 августа 1941 г. старший научный сотрудник В. В. Гинзбург был уволен из института по сокращению штатов и сосредоточился на работе в Военно-медицинской академии. *Вульф Вениаминович Гинзбург* родился 4 марта 1904 г. в Курске в семье мелкого конторского служащего⁸². В 1921 г. он поступил в Киевский медицинский институт, но в 1923 г. был переведен в Ленинградский государственный институт медицинских знаний, который и закончил в июне 1926 г., получив квалификацию врача. Одновременно в 1924—1926 гг. Гинзбург работал воспитателем в детском доме в Ленинграде. Осенью 1926 г. его призвали на год в РККА. Последующие 4 года он на сверхсрочной службе в качестве врача при лазарете 22-го полка НКВД. Параллельно с 1929 г. В. В. Гинзбург начал преподавательскую деятельность на кафедре нормальной анатомии 1-го Ленинградского медицинского института сначала в качестве сверхштатного, а с 1931 г. — штатного ассистента. После демобилизации он поступил в аспирантуру АН СССР, где занимался под руководством Б. Н. Вишневого. В 1932 и 1933 гг. Гинзбург вел антропологические исследования в Таджикистане. В эти годы в полной мере проявились его разносторонние интересы как антрополога, анатома и даже этнографа.

25 июля 1935 г. Президиум АН СССР за работу «Материалы по антропологии таджиков» утвердил В. В. Гинзбурга в ученой степени кандидата антропологии. В 1937 г. она была издана в качестве монографии под названием «Горные таджики». В 1936/1937 учебном году он вел самостоятельный курс анатомии человека на биологическом факультете Педагогического института им. А. С. Бубнова. С 1937 г. Гинзбург начал работать на кафедре нормальной анатомии Военно-медицинской академии в качестве штатного преподавателя. 24 января 1938 г. Президиум АН СССР утвердил его в ученом звании старшего научного сотрудника. С 16 февраля 1938 г. он старший научный сотрудник, заведующий отделом антропологии МАЭ при Институте этнографии. Успешно продолжалась экспедиционная деятельность Гинзбурга: за период с 1932 по 1939 г. он принял участие или руководил шестью медико-антропологическими экспедициями в Таджикистан, Туркмению и Карелию. В 1938—1941 гг. им прочитан курс антропологии на кафедре этнографии филологического факультета ЛГУ. 23 ноября 1939 г. ВАК утвердил его в должности и звании доцента. В 1939—1941 гг. под руководством Гинзбурга в МАЭ проводится реэкспозиция отдела «Происхождение человека и развитие первобытного общества».

23 августа 1941 г. он был уволен из Института этнографии в связи с частичным сокращением объема работ и сосредоточился на преподавательской работе в Военно-медицинской академии им. С. М. Кирова (в кадры Красной Армии его перевели еще в марте 1939 г.). С академией он был эвакуирован 14 ноября 1941 г. в Самарканд. В период пребывания здесь в 1942—1944 гг. В. В. Гинзбург много занимался научной и преподавательской деятельностью, практически работал в госпитале как патологоанатом, используя полученный материал как для обучения слушателей академии, так и в целях повышения квалификации врачей. С 1 октября 1944 г. он был зачислен по совместительству на должность старшего научного сотрудника, заведующего отделом антропологии МАЭ. 11 декабря 1944 г. в ученом совете Военно-медицинской академии В. В. Гинзбург успешно защитил диссер-

тацию «Пути оттока лимфы из мышц нижней конечности» на соискание ученой степени доктора медицинских наук. 26 мая 1945 г. ВАК утвердил его в искомой ученой степени.

С 11 февраля 1951 г. по 1 апреля 1958 г. В. В. Гинзбург не работал в Институте этнографии в связи с запрещением работы по совместительству. С 1 апреля 1958 г. он возвращается в институт, где по совместительству работает на должности старшего научного сотрудника. В январе 1959 г. его назначают руководителем ленинградской группы сектора антропологии и руководителем антропологической и археологической части МАЭ. 4 сентября 1959 г. полковник медицинской службы В. В. Гинзбург был уволен в запас и полностью сосредоточился на работе в Институте этнографии. Имя ученого-антрополога В. В. Гинзбурга связано прежде всего с изучением коренных проблем антропологии древнего и современного населения Средней Азии и Казахстана, а также Кубы. Значителен его вклад в область анатомии. Признанием заслуг Гинзбурга в этой области было утверждение его в 1949 г. в звании профессора по кафедре нормальной анатомии и избрание членом президиума Всесоюзного общества анатомов, гистологов и эмбриологов. Он автор свыше 150 научных работ⁸³.

В. В. Гинзбург был удостоен ряда правительственных наград: орденов Красной Звезды (1950 г.) и Красного Знамени (1954 г.) и медалей «За победу над Германией в 1941—1945 гг.» (1945 г.) и «За оборону Ленинграда» (1946 г.). В 1940 г. вступает в партию. Умер В. В. Гинзбург 21 февраля 1969 г. в г. Ленинграде и похоронен на мостках Военно-медицинской академии Богословского кладбища.

Из приказа за № 181 от 22 сентября 1941 г. по Институту этнографии: «§ 1. И. о. ученого секретаря института Насекин Н. И. зачислен в Красную Армию с 16 сентября 1941 г. с сохранением должности и получаемого оклада. § 2. Младший научный сотрудник Кондауров А. Н. зачислен в Красную Армию с 21 сентября 1941 г. с сохранением должности и получаемого оклада»⁸⁴.

Николай Ильич Насекин родился 4 апреля 1898 г. в Москве в рабочей семье⁸⁵. После окончания Торговой школы Московского биржевого комитета в 1914 г. он работал и одновременно учился на юридическом факультете университета им. Шанявского. В январе 1917 г. его призывают на военную службу. В октябре 1919 г. Насекин вступил в ряды РКП(б) и стал заниматься политработой. В рядах РККА он пребывал до августа 1938 г. В 1931—1934 гг. Н. И. Насекин обучался в Ленинграде на экономическом факультете Института красной профессуры, одновременно преподавал политэкономии в Военно-политической академии. В августе 1938 г. после увольнения из армии в запас по состоянию здоровья он получил путевку на работу в Институт этнографии. С 10 ноября 1938 г. он помощник, а с 15 января 1939 г. — исполняющий обязанности ученого секретаря института.

Война застала Н. И. Насекина в отпуске. Прервав его, он вернулся в Ленинград. С 22 июля 1941 г. в составе группы сотрудников Института Николай Ильич находился на выполнении трудовой повинности согласно наряду Василеостровского райсовета. События в те дни в Ленинграде развивались быстро, резко изменяя судьбы людей. После работы на оборонительных сооружениях по приказу дирекции Насекин с 15 сентября 1941 г. был переведен на казарменное положение, а уже буквально со следующего дня он был призван в ряды действующей армии. Однако институт отчислил его с сохранением должности и получаемого оклада. Очевидно, надеялись на скорое возвращение. Только приказом по институту от 21 мая 1942 г. ученый секретарь Н. И. Насекин с 1 апреля того же года был отчислен из штата как находящийся в рядах Красной Армии.

Александр Николаевич Кондауров был призван в Красную Армию с 21 сентября 1941 г., но вскоре возвращен в институт: по состоянию здоровья он не мог служить в войсках. А. Н. Кондауров умер в блокадном Ленинграде 17 февраля 1942 г.⁸⁶

В связи с призывом в ряды РККА приказом № 184 от 26 сентября 1941 г. был уволен старший кочегар А. Шакуров. *Ади Шакуров* родился в 1902 г. в д. Череево Анастасовского уезда Казанской губернии в крестьянской семье⁸⁷. Окончив пять

классов татарской школы, он то уезжал на работу в Москву и Ташкент, то возвращался крестьянствовать в родную деревню. В 1932 г. Шакуров переехал в Ленинград к брату, работал землекопом, грузчиком, с 9 декабря 1937 г. он кочегар, а с 1 августа следующего года — старший кочегар Института этнографии. Здесь же работала его жена Г. Шакурова. К моменту поступления на работу в институт его трудовой стаж насчитывал 13 лет и 3 года службы в РККА. С сентября 1939 г. по июль 1940 г. он опять в рядах РККА. Василеостровский райвоенкомат Санкт-Петербурга подтверждает только сам факт его последнего призыва 26 сентября 1941 г. Сведений о дальнейшей судьбе Шакурова нет, хотя его имя значится на институтской доске памяти среди погибших на фронтах Великой Отечественной войны.

Приказом № 227 от 10 декабря 1941 г. был отчислен научно-технический сотрудник А. Ф. Симонов ввиду его мобилизации в РККА. *Александр Федорович Симонов* родился в 1899 г. в Ярославской губернии в бедной крестьянской семье, которая смогла дать ему лишь начальное образование в сельской школе⁸⁸. Известно только, что в Институт этнографии его зачислили 13 февраля 1940 г. на должность столяра, а с 1 мая 1941 г. он был переведен в научно-технические сотрудники. С начала войны Симонова отправляют на оборонные и трудовые работы. После ухода его на службу в Красную Армию 11 декабря 1941 г. данными о его судьбе я не располагаю. Согласно сведениям, полученным 25 января 1995 г. в Куйбышевском райвоенкомате Санкт-Петербурга и Куйбышевском отделении «Книги памяти», А. Ф. Симонов 4 марта 1944 г. пропал без вести.

Последним в действующую армию в 1941 г. был призван дворник К. Н. Шакуров (приказ № 229 от 16 декабря 1941 г.). *Кабир Назирович Шакуров* родился в 1898 г. в д. Череево Анастасьского уезда Казанской губернии в татарской семье⁸⁹. В 1925 г. он приехал в Ленинград и устроился землекопом на Мурманской железной дороге. С 18 августа 1926 г. Шакуров — дворник при главном здании Академии наук. Более спокойной ему показалась та же должность при Институте этнографии, куда он перевелся с 1 марта 1934 г. Приказом № 229 от 16 декабря 1941 г. он был уволен с 17 декабря в связи с его призывом в ряды Красной Армии. Сражался под Ленинградом, в боях с врагами был тяжело ранен. 18 января 1942 г. К. Н. Шакуров умер в госпитале от полученных ранений⁹⁰.

Вскоре после начала войны вступил в народное ополчение студент ЛГУ и по совместительству экскурсовод МАЭ *Анатолий Иванович Собченко*⁹¹. Он родился 28 июля (10 августа) 1912 г. в Санкт-Петербурге в семье наборщика. В 1918 г. вместе с семьей Анатолий оказался в Омске, где окончил в 1926 г. шесть классов, но вынужден был бросить учебу. В 1927 г. он поступил в школу ФЗУ, по окончании которой в 1930 г. получил квалификацию столяра. В том же году Собченко начал свой рабочий путь на строительстве на ст. Вавилово, на Урале, а спустя 3 года уехал оттуда в Ленинград, где в 1933 г. устроился по своей специальности на авторемонтный завод и одновременно продолжил учебу в вечерней школе. С октября 1936 по июль 1937 г. он на физкультурной работе в добровольном спортивном обществе «Буревестник». Отслужив год в армии, в сентябре 1938 г. Собченко поступает на рабфак Института советской торговли, а в октябре 1939 г. — на индо-тибетское отделение филологического факультета ЛГУ. Учебу в университете он успешно совмещает с работой экскурсоводом в МАЭ по отделам Индии, Китая и Японии.

После вступления в народное ополчение А. И. Собченко вскоре направляют на фронт, в 1-й стрелковый полк, но в районе совхоза «Муравейный» он попадает в окружение, из которого ему удается вырваться. Попав второй раз в окружение в районе ст. Мошенское Новгородской обл., он был ранен в ногу, в живот и в руку. 29 августа 1941 г. раненый Собченко оказался в плену у немцев, где находился до 10 апреля 1945 г. Его помещают в различные концлагеря: Луга, Режша, Двинск, Ховельхоф, Хеммер, Эссен. Несколько раз Анатолий Иванович пытался бежать, но неудачно: каждый раз его возвращали и наказывали. Наконец, четвертая попытка в марте 1945 г. увенчалась успехом: побег был совершен во время

эвакуации. Собченко скрывался в Эссене до прихода американцев. Летом 1945 г. он был репатрирован в Штеттин в советскую оккупационную зону. Здесь он снова стал солдатом Красной Армии.

В октябре 1945 г. А. И. Собченко демобилизовался, вернулся в Ленинград и восстановился на индо-тибетском отделении воссозданного восточного факультета ЛГУ. Заведующий кафедрой индийской филологии акад. А. П. Баранников так отзывался о своем ученике: «Специальный интерес Собченко проявил к индийской этнографии. Он много работал в этой области. Его дипломная работа посвящена индийскому театру и рассматривает преимущественно народные формы индийского театрального искусства». После окончания в 1949 г. университета он начинает работать в отделе Индии Института этнографии, участвует в создании экспозиций отделов Индии и Индонезии. Молодого специалиста привлекают для написания статьи о гуджаратцах для тома «Народы Южной Азии» из серии «Народы мира».

Вскоре ему отказывают в работе по индийской этнографии и его соглашается взять в руководимый им отдел Африки Д. А. Ольдерогге. Пришлось полностью переквалифицироваться: из индолога Собченко предстояло стать африканистом. Он с честью и достоинством прошел этот тернистый путь. С 27 сентября 1951 г. Собченко — младший научный сотрудник, в 1957—1961 гг. — ученый секретарь ленинградской части Института этнографии, 12 марта 1963 г. им защищена в Москве в Институте этнографии диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме «Этнический состав Конго». С 9 марта 1966 г. он старший научный сотрудник отдела Африки, много и успешно работает над изучением музейных коллекций по Африке, хранящихся в МАЭ, а также подготавливает ряд работ, посвященных исследованию этнического состава молодых африканских государств. А. И. Собченко автор около 70 научных работ⁹². Он активно сотрудничал в создании справочных изданий: для БСЭ им написано около 50 и для энциклопедического словаря «Африка» — свыше 30 статей. С 1954 г. на кафедре африканистики восточного факультета ЛГУ Собченко читал курс лекций по истории материальной культуры, а также отдельные этнографические спецкурсы на историческом и философском факультетах, факультете психологии. В мае — июне 1967 г. им был прочитан курс «Основы этнографии» на гуманитарном факультете Новосибирского университета, за что получена благодарность декана факультета акад. А. П. Окладникова. А. И. Собченко был активным членом общества «Знание», по заданию которого часто выступал с лекциями о международном положении, о ситуации в Африке.

16 марта 1973 г. А. И. Собченко по состоянию здоровья вышел на пенсию. Умер 14 декабря 1983 г., и прах его покоится в колумбарии Ленинградского крематория.

Других здоровых и подлежащих по возрасту призыву в армию мужчин среди сотрудников Института этнографии АН СССР уже не было.

В 1942 г. была мобилизована для работы в строительной колонне старший рабочий *Галина Александровна Каморина*⁹³. Она родилась в 1912 г. в Ярославской губернии. Ее биография до 1940 г. известна плохо. С 4 октября 1940 г. по 26 июля 1941 г. она работала в артели «Объединенный швейник», но была уволена в связи с сокращением штатов. Привлекалась к строительству оборонительных сооружений в окрестностях города. С 18 марта 1942 г. Галина Александровна была зачислена на должность вахтера в Институте этнографии, а с 16 апреля переведена в рабочие и отправлена на трудовые работы на ст. Пери. С 22 октября 1942 г. приказом по институту за № 108 она была освобождена от исполнения обязанностей старшего рабочего в связи с мобилизацией и зачислением ее в строительную колонну Василеостровского райвоенкомата Ленинграда. Явиться для прохождения службы Каморина должна была на ст. Пери. Известно, что она однажды приходила в институт и просила, чтобы дирекция ходатайствовала о ее возвращении на прежнюю работу. 28 декабря 1943 г. институт просил майора Беляева (полевая почта 33 522 «А») в связи с подготовкой к восстановлению деятельности института и музея при нем откомандировать обратно в распоряжение

института научно-технического сотрудника Каморину Г. А., но ответа не последовало. Василеостровский военкомат не располагает сведениями о судьбе Г. А. Камориной.

В июле 1941 г. Василеостровский районный комитет Красного Креста выдал дружиннице Е. К. Ивановой удостоверение о том, что она с 5 по 18 июля 1941 г. находилась в добровольной дивизии Василеостровского района г. Ленинграда. *Елена Константиновна Иванова* родилась в августе 1915 г. в Новосибирске в семье служащего⁹⁴. В 1930 г. она поступила в Новосибирский педагогический техникум на библиотечное отделение, которое и закончила в 1933 г. Еще в 1932 г. Иванова вступила в комсомол. В 1935 г. она уехала в Ленинград и поступила там на первый курс филологического факультета ЛГУ. Во время учебы в университете ей пришлось пережить тяжелое испытание и после мучительных переживаний принять требуемое решение. Кому-то стало известно, что она переписывается с матерью, живущей в Германии. Дело в том, что еще в 1925 г. умер ее отец, и мать вскоре вышла замуж за бывшего немецкого военнопленного, работавшего переводчиком в краевой немецкой газете «Landmann». В 1930 г. она уехала с мужем на его родину, где устроилась работать швеей. В 1937 г. за переписку с матерью Елену исключили из комсомола. Сложившиеся обстоятельства заставили ее отказаться от дальнейшей переписки с матерью. В 1939 г. она была восстановлена в рядах ВЛКСМ.

Все экзамены Иванова сдавала только на отлично, в ее зачетной ведомости значится только одна оценка «хорошо» — по военной подготовке. 29 июня 1940 г. она получила диплом с отличием по специальности «индийские языки и литературы». Решением Государственной экзаменационной комиссии ей была присвоена квалификация «филолог-индолог». Заведующий кафедрой акад. А. П. Баранников, рекомендуя ее в аспирантуру, писал: «За весь период университетской учебы Е. К. Иванова выделялась из всего состава группы индологов своей дисциплинированностью и большими способностями, и широтой научных интересов, и большими способностями к научной работе... Из нее при наличии надлежащих условий может выработаться ценный научный работник».

С 1938 г. Е. К. Иванова водила экскурсии по МАЭ, приобщаясь таким образом к этнографии. Любовь в этой науке привела ее в Институт этнографии, где она с 1 сентября 1940 г. была зачислена в аспирантуру по специальности «этнография Индии», научным руководителем ее стал акад. А. П. Баранников. У него же Иванова продолжала заниматься санскритом, у В. М. Бескровного — хиндустани, в 1940/1941 учебном году на кафедре этнографии ЛГУ прослушала курс общей этнографии у проф. И. Н. Винникова. Е. К. Иванова целеустремленно и много работала, что позволило ей за период с 1 сентября 1940 г. по 31 августа 1941 г. сдать все экзамены по кандидатскому минимуму на отлично. С началом войны она работала на оборонных работах, была сандружинницей. В связи с эвакуацией научного руководителя она попросила дирекцию института отчислить ее из аспирантуры. Дальнейшая ее судьба после 31 августа 1941 г. неизвестна. Нет о ней сведений и в Василеостровском райвоенкомате.

Итак, 9 мая 1945 г. победоносно завершилась самая кровопролитная в мировой истории война на Западе. Некоторым воинам суждено было еще принять участие в кратковременной войне на Востоке — она закончилась 2 сентября 1945 г. Убитые остались на полях сражений. Не всегда известно, кто, где и когда сложил голову. Мы не знаем, сохранились ли их имена на табличках братских могил. Пропавшие без вести за последние 50 лет не дали о себе знать. И теперь ясно, что и в дальнейшем они не объявятся. Живые вернулись в родной институт и музей, продолжили свой труд на поприще науки, и каждый из них в меру возможностей проявил себя.

После Победы поредевшие ряды сотрудников ленинградской части Института этнографии в разные годы пополнили бывшие воины Великой Отечественной войны. Это научные сотрудники В. П. Якимов, Ю. В. Кнорозов, К. Д. Лаушкин, В. Р. Кабо, Л. М. Сабурова, О. С. Томановская, Э. Е. Фрадкин, Р. А. Ксенофонтова,

Л. Л. Викторова, К. В. Чистов, О. Л. Вильчевский, Н. В. Новиков, административно-технические сотрудники В. Д. Карпихин, А. В. Маторин, И. В. Скрасанов, М. Г. Слесарев, А. П. Смирнов, М. М. Крюкова, Н. М. Федоров, М. П. Грбовский и др. Немало бывших фронтовиков, выживших в кровопролитном аду войны, пришли и в организованную по решению Президиума АН СССР от 21 декабря 1942 г. московскую группу, затем — отделение института. Среди них: С. П. Толстов, С. И. Брук, В. И. Кочнев, В. И. Козлов, Я. Р. Винников, Б. А. Калоев, Г. И. Анохин, Б. В. Андрианов, Ю. В. Бромлей... Все они отдавали свои силы на разгром фашизма, нацизма в годы войны, а в мирные дни стали самоотверженно трудиться, не заботясь о выгоде, работали честно, на совесть, поддерживая всю оставшуюся жизнь воинское братство. Может быть, не очень задумывались над причинами трудностей послевоенной жизни. А трудностей им и в этот период пришлось пережить, преодолеть немало.

Со времени окончания Великой Отечественной войны прошло уже полвека. Историками немало написано об этом историческом событии. Не мне судить об этой литературе, но нельзя не отметить, что почти вся она создавалась, что называется, на потребу дня. Выпячивались сначала одни личности и события, затем другие. Порой создается впечатление, что главным для политиков и историков является определение роли той или иной исторической личности, благодаря которой была выиграна война. Назывались имена И. В. Сталина, Н. С. Хрущева, Л. И. Брежнева, Г. К. Жукова...

Хочется верить, что военная история тоже станет наукой, будут освоены и объективно оценены архивные документы и материалы, а также писавшиеся в разное время мемуары... Подлинная история этой воистину великой всенародной войны должна быть в конце концов написана.

Всю тяжесть войны вынесли на своих плечах простые советские люди, воевавшие на фронтах и трудившиеся в тылу. Они сообща добывали Победу. Одну на всех: за ценой не стояли.

Сейчас повсеместно создаются «Книги памяти», в которых будут названы имена погибших и пропавших без вести. В Санкт-Петербурге издан первый том этой большой и очень нужной книги... Никто не забыт. Ничто не забыто...

Эта статья — дань памяти воинам, сотрудникам Института этнографии АН СССР⁹⁵.

Примечания

⁴² О Н. Б. Шнакенбурге см.: ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 376, 422, 426. Л. 106. Оп. 1 (1941). Д. 44. Л. 40. Оп. 1. (1942). Д. 32. Л. 16.

⁴³ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 376. Л. 23.

⁴⁴ Там же. Л. 14.

⁴⁵ Там же. Л. 12.

⁴⁶ Шнакенбург Н. Б. Пути сообщения Чукотского полуострова // *Arctica*. Кн. 3. Л., 1935. С. 163—197; *его же*. Нымыланы-кэрэки // *Сов. Север*. 1939. № 3. С. 96—116; *Меновщиков Г. А.* (с использованием материалов Н. Б. Шнакенбурга). Эскимосы // *Народы Сибири*. М., Л., 1956. С. 934—949; *Антропова В. В.* Коряки // *Народы Сибири*. С. 950—977 (на основу описания дореволюционного быта положена статья С. Н. Стебняцкого и Н. Б. Шнакенбурга).

⁴⁷ Эту версию приводит и В. Н. Вологодина. См.: *Вологодина В. Н.* Из истории Кунсткамеры: музейные работники в годы войны и блокады // *Кунсткамера. Этнографические тетради*. Вып. 4. СПб., 1994. С. 182.

⁴⁸ *Лавров Л. И.* Из записок ополченца // *Ораниенбаумский плацдарм*. Л., 1971. С. 63.

⁴⁹ Рукописный отдел Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург). Ф. 1109. Д. 675. Л. 5.

⁵⁰ В личном деле Н. Б. Шнакенбурга мною обнаружено письмо такого содержания: «15 июля 1941 г. Командиру 2-го батальона В. О. добровольческой дивизии.

По распоряжению директора института при сем препровождается на Ваше рассмотрение письмо добровольца 6-й роты вверенного Вам батальона Н. Б. Шнакенбурга. И. о. ученого секретаря (Н. И. Насекин)». См. ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 476. Л. 1. Трудно точно предположить, что содержалось в письме Н. Б. Шнакенбурга своим коллегам в институт, но возникает вопрос, о чем сигнализировал директор института И. Н. Винников командирам своего бывшего сотрудника.

⁵¹ О Д. Н. Льве см.: ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1941). Д. 44. Л. 40. Оп. 1 (1942). Д. 32. Л. 17. Оп. 5. Д. 138,

308, 426. Л. 53; *Борисковский П. И., Окладников А. П. Д. Н. Лев (некролог)*//Сов. археология. 1970. № 3. С. 298—299.

⁵² *Лев Д. Н.* К вопросу о происхождении древнейших кремневых шахт//Сов. этнография. 1934. № 1—2. С. 123—127; *его же.* К истории горного дела//Тр. Ин-та этнографии. Т. 1. Вып. 2. Л., 1934; *его же.* Новые археологические памятники Камчатки//Сов. этнография. 1935. № 4—5. С. 217—224; *его же.* Отдел археологии. Подробный путеводитель. Л., 1936; *его же.* К истории первобытного обмена//Тр. Ин-та этнографии. Т. 4. Л., 1936. С. 475—504; *его же.* Новые пещерные стоянки эпохи палеолита в Узбекистане//Сов. этнография. 1949. № 1. С. 200—202.

⁵³ *О Ф. Б. Шапиро* см.: ПФА РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 2896; Ф. 142. Оп. 1 (1941). Д. 21. Л. 4, 5, 56; 44. Л. 40; Ф. 349. Оп. 3. Д. 551; Архив ИИМК. Ф. 312. Оп. 3. Д. 352, 421.

⁵⁴ *О Г. Н. Прокофьеве* см.: *Решетов А. М.* Отдание долга//Этнограф. обозрение. 1995. № 2. С. 46—48.

⁵⁵ *О А. Н. Нечаеве* см.: ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1941). Д. 44. Л. 40; Оп. 5. Д. 321; 426. Л. 61; *Мезинов Л.* Три дороги Александра Нечаева (к 75-летию со дня рождения)//Детская литература. 1977. № 3. С. 25—26; *Голубева Г. В. А. Н. Нечаев*//Краткая литературная энциклопедия. Т. 9. М., 1978. стб. 559; *А. Н. Нечаеву* — 80 лет//Литературная газета. 12 марта 1982. С. 6.

⁵⁶ *Нечаев А. Н.* Сказки Карельского Беломорья. Т. 1. Л., 1939; *его же* (совм. с Н. Рыбаковой). О некоторых проблемах фольклористики (по поводу статьи В. С. Бахтина)//Сов. этнография. 1953. № 3. С. 134—141; Русские народные сказки (в пересказах А. Нечаева). М., 1953; Русские народные сказки (сост., подготовка текста и предисловие А. Нечаева и Н. Рыбаковой). М., 1959; Иван Меньшой — разум большой. Рассказал А. Нечаев. М., 1959; Былины (изложение, обработка и вступит. статья А. Н. Нечаева). Киев, 1978; Русские народные сказки. Пересказал А. Нечаев. Киев, 1982. Чудесные люди былины и сказки (в пересказе и обработке А. Нечаева). М., 1983. Былины: русские эпические песни-сказания (пересказ и предисловие А. Нечаева). Саратов, 1994.

⁵⁷ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1941). Д. 44. Л. 40.

⁵⁸ *О Н. Н. Волкове* см.: ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 249. Справки Управления Министерства безопасности РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области от 12 июля 1991 г., от 8 октября 1991 г. от 23 июня 1993 г. (хранятся в архиве автора); Записи бесед с сестрой Н. Н. Волкова Серафимой Николаевной Волковой от 14 ноября 1994 г. и 15 января 1995 г., с его приемной дочерью Галиной Георгиевной Абрамовой от 14 ноября 1994 г. и 16 января 1995 г. (хранятся в архиве автора); *Решетов А. М.* Репрессированная этнография: люди и судьбы//Кунсткамера. Этнографические тетради. Вып. 5—6 СПб., 1994. С. 353—355.

⁵⁹ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 249. Л. 32.

⁶⁰ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 249. Л. 127.

⁶¹ Список работ Н. Н. Волкова невелик. См.: *Волков Н. Н.* Секты скопцов. Л., 1930; изд. 2-е. Л., 1931; *его же.* (рец.) Золотарев А., Левин М. Саами (лопари) (Сов. краеведение. 1936. № 5. С. 62—67)//Сов. этнография. 1936. № 3. С. 136—137; *его же.* Скопчество и стерилизация. (Исторический очерк). М.; Л. 1937; *его же.* Конференция по изучению финно-угорской филологии (Секция истории и этнографии)//Сов. этнография. 1947. № 2. С. 219—221.

⁶² *О М. К. Кудрявцеве* см.: Архив МАЭ. Личное дело. Ф. 35; ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1945). Д. 21. Л. 23, 33; *Успенская Е. Н.* Юбилей Михаила Константиновича Кудрявцева//Восток. 1991. № 3. С. 205; *Решетов А. М.* Михаил Константинович Кудрявцев (1911—1992)//Этнограф. обозрение. 1992. № 6. С. 152—155.

⁶³ *Кудрявцев М. К.* Новая экспозиция по культуре и быту народов Индии//Сов. этнография. 1950. № 3. С. 186—191; *его же.* Неприксаемые//Там же. 1951. № 2. С. 140—159; *его же.* Основные этнические группы Западного Пакистана//Там же. 1952. № 2. С. 98—113; *его же.* Фрагмент двора в городе Насик (Индия)//Сб. МАЭ. Т. 14. М.; Л., 1953. С. 140—146; *его же.* Индия в XV веке//Афанасий Никитин. Хождение за три моря. М., 1958. С. 143—160; *его же.* Индия. Краткий путеводитель и экспозиция. М.; Л., 1964; *его же.* Община и каста в Хиндустане (из жизни индийской деревни). М., 1971; *его же.* О положении племен в Индии (в связи с научным семинаром в Симле)//Страны и народы Востока. Вып. 19. М., 1977. С. 206—215; *его же.* Кастовая община (специфика сельской общины Индии)//Проблемы аграрной истории (с древнейших времен до XVIII в. включительно). Ч. 1. Минск. 1978. С. 137—144; *его же.* Кастовая система в Индии. М., 1992; Список основных работ М. К. Кудрявцева//Сов. этнография. 1984. № 4. С. 166—167; Восток. 1991. № 3. С. 206. В Архиве МАЭ имеется фонд М. К. Кудрявцева (Ф. 35).

⁶⁴ *О Л. И. Лаврове* см.: Архив МАЭ. Личное дело. Ф. Л. И. Лаврова (Ф. 25); ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1941). Д. 44. Оп. 1 (1945). Д. 21. Л. 4; Архив СПбФ ИВ РАН. Ф. 152. Оп. 3. Д. 353; *Гарданов В. И.* Леонид Иванович Лавров (некролог)//Сов. этнография. 1983. № 1. С. 169—172; Страницы отечественного казаведения. М., 1992.

⁶⁵ Архив СПбФ ИВ РАН. Ф. 152. Оп. 3. Д. 353. Л. 11.

⁶⁶ *Лавров Л. И.* Из записок ополченца//Ораниенбаумский плацдарм. Л., 1971. С. 53—66.

⁶⁷ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1945). Д. 21. Л. 4.

⁶⁸ Архив СПбФ ИВ РАН. Ф. 152. Оп. 3. Д. 353. Л. 33.

⁶⁹ *Лавров Л. И.* Из поездки в Черноморскую Шапсугию летом 1930 г. (этнографо-исторические заметки)//Сов. этнография. 1936. № 4—5. С. 123—134; *его же.* Из поездки в Балкарию//Сов. этнография. 1939. № 2. С. 175—181; *его же.* Формы жилища у народов Северо-Западного Кавказа до XVIII в.//Сов. этнография. 1951. № 4. С. 42—56; *его же.* Развитие земледелия на Северо-Западном Кавказе древнейших времен до середины XVIII в.//Материалы по истории земледелия СССР. Т. 1. М., 1957. С. 179—225; *его же.* Советская культура и быт лаков//Вопросы этнографии Кавказа. Тбилиси, 1957.

С. 39—52; *его же*. Рутульцы // Сов. этнография. 1953. № 4. С. 30—40; *его же*. Абазины (историко-этнографический очерк) // Кавказский этнограф. сб. 1955. Вып. 1. С. 5—47; *его же*. Адыги в раннем средневековье // Сб. статей по истории Кабарды. Нальчик, 1955. № 4. С. 19—64; *его же*. Абазины // Народы Карачаево-Черкессии (историко-этнографические очерки) // Ставрополь, 1957. С. 81—118; *его же*. Археологические разведки в верховьях р. Самур // Матер. по археологии Адыгеи. Майкоп, 1959. № 1. С. 175—181; *его же*. Доисламские верования адыгейцев и кабардинцев // Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований. Тр. Ин-та этнографии (новая серия). Т. 1. М., 1959. С. 193—236; *его же*. Рутульцы в прошлом и настоящем // Кавказский этнограф. сб. 1962. Вып. 3. С. 110—157; *его же*. Изменения в культуре и быте адыгейцев за годы Советской власти // Сов. этнография. 1962. № 4. С. 16—22; *его же*. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Ч. 1. Надписи X—XVIII вв. М., 1966; Ч. 2. Надписи XVIII—XX вв. М., 1968; *его же*. Этнографический очерк убыхов // Уч. зап. Адыгейского научно-исследовательского ин-та языка, литературы и истории. Майкоп, 1968. № 8. С. 5—24; *его же*. Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в. // Кавказский этнограф. сб. 1969. Вып. 4. С. 55—119; *его же*. Памяти А. Н. Генко // Там же. 1972. Вып. 5. С. 218—222; *его же*. Советский опыт языкового строительства и некоторые итоги структурного развития языков // Современные этнические процессы в СССР. М., 1975. С. 284—290; *его же*. Назревшие вопросы изучения социальных отношений на докапиталистическом Кавказе // Социальная история народов Азии. М., 1975. С. 6—8; *его же*. Историко-этнографические очерки Кавказа. Л., 1978; *его же*. К истории северокавказского фольклора (до XIX в.) // Сов. этнография. 1979. № 1. С. 29—41; *его же*. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Ч. 3. Надписи в X—XX вв. Новые находки. М., 1980; *его же*. Кавказский отдел МАЭ и Кавказский сектор Института этнографии АН СССР // Сб. МАЭ. 1980. Т. 35. С. 22—26; *его же*. Этнография Кавказа (по полевым материалам 1924—1978 гг.). Л., 1982. Список научных работ Л. И. Лаврова см.: Сов. этнография. 1979. № 3. С. 187—189; Краткое содержание докладов среднеазиатско-кавказских чтений. Август, 1979. Л., 1979. С. 16—23.

⁷⁰ О Ю. Н. Смирнове см.: ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1941). Д. 44. Л. 41. Оп. 5. Д. 353; 389; 426. Л. 89.

⁷¹ О С. Р. Смирнове см.: ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1941). Д. 44. Л. 42, 73. Оп. 1 (1942). Д. 28. Л. 24. Оп. 1 (1945). Д. 23. Л. 7. Оп. 5. Д. 354; Сергей Руфович Смирнов (1909—1969) // Народы Азии и Африки. 1969. № 4. С. 245—246; Сергей Руфович Смирнов. Некролог. Список основных трудов // Сов. этнография. 1969. № 5. С. 187—189; Милибанд С. Д. Библиографический словарь советских востоковедов. М., 1975. С. 515—516.

⁷² Смирнов С. Р. Английская политика косвенного управления в юго-восточной Нигерии // Сов. этнография. 1950. № 3. С. 137—153; *его же*. Восстание махдистов в Судане // Тр. Ин-та этнографии. Т. 6. М., 1950; *его же*. Египет. Восточный Судан // Народы Африки. М., 1954. С. 178—258; *его же*. Образование и пути развития северосуданской народности // Африканский этнограф. сб. 1. Тр. Ин-та этнографии. Т. 34. М., 1956. С. 7—68; *его же*. Поездка в Республику Судан // Сов. этнография. 1958. № 6. С. 112—120; *его же*. Роль государства махдистов в становлении северосуданской нации. М., 1960; *его же*. Сущность косвенного управления (на примере Судана). М., 1963; *его же*. История Судана (1821—1965). М., 1968.

⁷³ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1941). Д. 44. Л. 43.

⁷⁴ Там же. Л. 44.

⁷⁵ О А. М. Кукелевиче см.: ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 302; 401; 426; Л. 51. Ф. 142. Оп. 1 (1941). Д. 44. Л. 44. Ф. 150. Оп. 2. Д. 715.

⁷⁶ Там же. Ф. 142. Оп. 5. Д. 302. Л. 23.

⁷⁷ Там же. Ф. 150. Оп. 2. Д. 715. Л. 7—8.

⁷⁸ Кукелевич А. М. (совм. с Л. М. Лотман). Источники баллады Пушкина «Жених» // Студенческие зап. филологического факультета ЛГУ. Спец. номер статей и материалов студенческого научно-исследовательского фольклорного кружка. Л., 1937. С. 90—111; *его же*. «Илиада» в переводе Н. И. Гнедича // Уч. зап. ЛГУ. Сер. филол. наук. Вып. 2. Л., 1939. С. 5—704; *его же*. Русская идиллия Н. И. Гнедича о Рыбакип // Там же. Вып. 3. Л., 1939. С. 284—320; *его же*. (совм. с Л. М. Лотман). Из творческой истории баллады Пушкина о «Женихе» // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. Т. 6. М.; Л., 1941. С. 72—91; *его же*. (совм. с Г. П. Макогоненко). (Рец.) Маяковский. 1930—1940 гг. Ст. и матер. Л., 1940 // Лит. обозрение. 1941. № 1. С. 40—42; *его же*. Гнедич // История русской литературы. Т. 56. Литература первой половины XIX в. Ч. 1. М.; Л., 1941. С. 424—435; *его же*. Майков // Там же. Т. 4. Литература XVIII в. Ч. 2. М.; Л., 1947. С. 201—226.

⁷⁹ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1941). Д. 44. Л. 44.

⁸⁰ Сведения получены в Василеостровском райвоенкомате Санкт-Петербурга. См. также: Книга памяти. Ленинград. 1941—1945. Т. 1. Василеостровский район. А—Л. СПб., 1994. С. 466.

⁸¹ О Н. Е. Панове см.: ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1941). Д. 44. Л. 5. Д. 331; 426. Л. 70.

⁸² О В. В. Гинзбурге см.: Архив МАЭ. Личные дела; Гохман И. И. Вульф Вениаминович Гинзбург (К 60-летию со дня рождения). Список основных печатных работ В. В. Гинзбурга // Вопросы антропологии. Вып. 18. М., 1964. С. 157—162.

⁸³ Гинзбург В. В. О размерах наружных паховых отверстий в зависимости их от конституциональных особенностей индивида // Тр. IV Всесоюз. съезда зоологов, анатомов и гистологов в Киеве. 6—12 мая 1930 г. Киев; Харьков, 1931. С. 227—228; *его же*. Физическое развитие горных таджиков // Проблемы Таджикистана. Сб. ст. Т. 2. Душанбе, 1934. С. 212—219; *его же*. Кишлаки восточных районов Таджикистана и жилище горных таджиков // Сов. этнография. 1936. № 3. С. 59—77; *его же*. Горные таджики. Матер. по антропологии таджиков Каратегина и Дарваза. Л., 1937; *его же*. Крайноэтническое собрание Музея антропологии и этнографии АН СССР // Сб. МАЭ. Т. 12. М.; Л., 1949. С. 402—416; *его же*. Древние и современные антропологические типы Средней Азии // Происхождение человека и древнее

расселение человечества. Тр. Ин-та этнографии. Новая серия. Т. 16. М., 1951. С. 371—393; *его же*. Анатомическая коллекция Рюйша в собраниях Петровской Кунсткамеры//Сб. МАЭ. Т. 14. М.; Л., 1953. С. 263—305; *его же*. Древнее население восточных центральных районов Казахской ССР по антропологическим данным//Антрополог. сб. Тр. Ин-та этнографии. Новая серия. Т. 33. М., 1956. С. 238—298; *его же*. (совм. с Б. В. Фирштейн). Материалы к антропологии древнего населения Западного Казахстана//Сб. МАЭ. Т. 18. М.; Л., 1958. С. 390—427; *его же*. Лимфатическая система нижних конечностей человека. Л., 1959; *его же*. Краниологические материалы из Северного Казахстана и вопрос о происхождении ранних тюркских кочевников. М., 1960; *его же*. Элементы антропологии для медиков. Л., 1963; *его же*. Антропологическая характеристика древних аборигенов Кубы//Сб. МАЭ. Т. 24. Л., 1967. С. 180—278; *его же*. Антропология в Академии наук//Тр. Ин-та этнографии. Т. 94. М., 1968. С. 188—215; *его же*. К антропологии туркмен//Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. М., 1968. С. 34—50.

⁸⁴ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1941). Д. 44. Л. 63.

⁸⁵ О Н. И. Насекине см.: ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 320. Оп. 1 (1941). Д. 44. Л. 61, 63. Оп. 1 (1942). Д. 32. Л. 13.

⁸⁶ О А. Н. Кондаурове см. Решетов А. М. Отдание долга//Этнограф. обозрение. 1995. № 2.

⁸⁷ О А. Шакурове см.: ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 372; 420; 426. Л. 102.

⁸⁸ О А. Ф. Симонове см.: ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1941). Д. 44. Л. 74. Оп. 5. Д. 350, 417; 426. Л. 86.

⁸⁹ О К. Н. Шакурове см.: ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1941). Д. 44. Л. 76. Оп. 5. Д. 177, 421; 426. Л. 103.

⁹⁰ Сведения получены в Василеостровском райвоенкомате Санкт-Петербурга 11 января 1995 г.

⁹¹ О А. И. Собченко см.: Архив МАЭ. Личное дело; Милибанд С. Д. Биобиблиографический словарь советских востоковедов. М., 1975. С. 519.

⁹² Собченко А. И. Передача сообщений на барабанах у народов Западной Африки (использование традиционных средств связи в современной политической жизни Африки)//Сов. этнография. 1952. № 1. С. 120—134; *его же*. Этнографическая коллекция В. В. Юнкера по народам Африки в собраниях Музея антропологии и этнографии//Сб. МАЭ. Т. 15. М.; Л., 1953. С. 411—447; *его же*. Коллекция В. В. Юнкера по пигмеям в собраниях Музея антропологии и этнографии//Там же. Т. 16. М.; Л., 1955. С. 308—321; *его же*. Катхакали — театр Южной Индии//Вокруг света. 1955. № 5. С. 32—34; *его же*. Ткацкий станок из Камеруна//Сб. МАЭ. Т. 17. М.; Л., 1957. С. 362—372; *его же*. Население Анголы//Сов. этнография. 1961. № 5. С. 124—133; *его же*. Этнический состав Конго//Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Новая серия. Т. 72. Африканский этнограф. сб. IV. История, этнография, языковедение. М.; Л., 1962. С. 89—167.

⁹³ О Г. А. Камориной см. ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1942). Д. 34. Л. 25; Оп. 1 (1943). Д. 26. Л. 79. Оп. 5. Д. 287; 426. Л. 38.

⁹⁴ О Е. К. Ивановой см.: ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 282; 426. Л. 36.

⁹⁵ Пользуясь случаем, искренне благодарю научного сотрудника Санкт-Петербургского филиала Архива РАН Н. С. Прохоренко, заведующую Архивом МАЭ РАН И. В. Жуковскую, работницу Василеостровского райвоенкомата Р. Б. Кобыльницкую, работников Дзержинского военкомата — Э. Н. Васильеву и А. С. Веселкова, а также М. Л. Шкарову из Куйбышевского военкомата за большую помощь, оказанную при подготовке этой статьи.

Paying the dept. Part II. In memory of the workers of the Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences who had fallen for their country

The present article is the continuation of the second part of the three-part article «Paying the Debts». Life and work of the Institute's workers who fought at the fronts of the Great patriotic war and died in the name of victory, is described.

A. M. Reshetov